

УДК 94(47).065

ББК 63.3(2)512-3

DOI 10.31554/2222-9175-2021-43-17-23

А. С. Рязев

РОССИЙСКИЕ БУДДИСТЫ В МИССИОНЕРСКИХ
ЗАМЫСЛАХ ГЕРНГУТЕРОВ И МИССИОНЕРЫ-ГЕРНГУТЕРЫ
В ОЦЕНКЕ РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ
(по материалам расследования 1743–1744 гг.)

Статья посвящена вероисповедной политике Российской империи в раннее Новое время. В работе изучены миссионерские планы гернгутеров («моравских братьев») и их лидера Николауса Людвига фон Цинцендорфа в отношении буддистов в России и близ нее (калмыков, монголов), отвергнутые властями. Показано, что неудачу гернгутеров и вызванный ею запрет их учения в России предрешила обстановка 1740-х гг. на окраинах страны.

Ключевые слова: Российская империя, раннее Новое время, вероисповедная политика, гернгутеры, миссия, граф Николаус Людвиг фон Цинцендорф, буддисты, калмыки, монголы.

A. S. Ryzhev

RUSSIAN BUDDHISTS IN THE MISSIONARY INTENTIONS
OF THE MORAVIAN BRETHREN AND MORAVIAN
MISSIONARIES IN THE ASSESSMENT
OF THE RUSSIAN AUTHORITIES
(on the materials of the investigative case, 1743–1744)

The article concentrates on the religious policy of the Russian Empire in the Early Modern times. It studies the missionary plans of the Moravian Church led by Count von Zinzendorf among Russian Buddhists (Kalmyk and Mongol peoples). The author concludes that the failure of missionaries and a long-lasting ban of the Moravian Church in Russia were predetermined by the political situation of the 1740s on the outskirts of the Russian Empire.

Keywords: the Russian Empire, Early Modern Times, religious policy, the Renewed Moravian Church (Herrnhut), missionary, Count (Reichsgraf) Nikolaus Ludwig von Zinzendorf, Buddhists, Kalmyk people, Mongol people.

Российская вероисповедная политика в раннее Новое время – актуальный вопрос отечественной истории. Важным аспектом такой политики выступает отношение государства к европейским христианам, оседавшим в стране, и, соответственно, к возникавшим отсюда межконфессиональным контактам. В XVIII в. власти были настроены к пришлым европейцам благожелательно, не ставя, в частности, на деле непреодолимых препятствий перед миссионерами, нацеливавшимися на неправославных жителей России. Известен, однако, эпизод, шедший вразрез с отмеченной тенденцией: запрет по итогам правительственного расследования, предпринятого в первые годы царствования императрицы Елизаветы Петровны, вероучения и деятельности протестантской церкви «моравских братьев» – гернгутеров. Причины столь негативной реакции российских инстанций на гернгутеров необходимо изучить, что и составляет задачу настоящей работы.

РЯЖЕВ Андрей Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста, Россия). E-mail: ryazhevas@kigiran.com.

Для разрешения задачи использована переписка российских учреждений и должностных лиц о гернгутерах, прибывших в Россию для организации евангельской миссии среди буддистов на границах и в подданстве государства. Переписка является частью материалов расследования 1743–1744 гг. о гернгутерах в Лифляндской губернии [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1743–1744)] или связана с этим расследованием по содержанию [Письма... 2007: № 3, 8, 49, 55, 56]. Документы характеризуют вхождение гернгутерства в фокус внимания государства в указанное время, и в данной связи их значение трудно переоценить.

Историография движения гернгутеров весьма велика [Meuer 2000: 12–58]. Страницы российского прошлого моравской церкви, в т. ч. подготовка миссии к калмыкам и джунгарам («контайшинским калмыкам») и более позднего специализированного миссионерского «проекта Сарепта» – одноименной колонии гернгутеров на Нижней Волге, в ней также присутствуют [Teigeler 2006: 122–425]. Тема Сарепты – российской «столицы» моравского братства является доминирующей и в современной отечественной литературе о гернгутерах [Курышев, Парфенов 2016: 45–52]. Ответ же российской верховной власти на восточные этноконфессиональные замыслы гернгутеров изучаемого времени в науке специально не рассматривался.

Миссионерские замыслы гернгутеров были продиктованы эпохой. Складывание к XVIII в. новой сети торговых путей, возникновение ранее неизвестных способов и акторов взаимодействия европейских держав с остальным миром оказали влияние на христианское миссионерство, усилив, в частности, его движение в восточном направлении. При этом давал о себе знать рост начинаний не только католиков – тогда основных проводников христианства вне Европы, но и протестантов. Большой интерес в данной связи вызывала вступившая на путь европеизации Россия. В понимании европейцев она была территорией условно безопасного транзита в Центральную Азию и Индию. Кроме того, российские окраины, близкие к регионам давнего европейского миссионерства – Святой земле, Персии, Закавказью или сопредельных с ними, населялись народами, в отношении которых также возникали миссионерские намерения.

Принципиальный вклад в идеологию миссионерства протестантов на рубеже XVII–XVIII вв. внесли пиетисты. Горячим сторонником миссии был идеолог пиетизма, профессор университета г. Галле (Halle, Германия), богослов А. Г. Франке (August Hermann Francke, не путать с полным тезкой и потомком – миссионером в Ладакхе, берлинским тибетологом рубежа XIX–XX вв.). Он же вдохновлял первые шаги пиетистов на Востоке и, в свою очередь, вдохновлялся опытом Б. Цигенбальга (Bartholomäus Ziegenbalg) и Г. Плютшау (Heinrich Plütschau) – основателей миссионерского пункта в поселении Транкебар (Tranquebar) близ Мадраса (ныне Ченнаи/Chennai, Индия) на юго-восточном побережье Индостана. Знакомство с религиями Востока в подобном опыте присутствовало и вызывало немалый интерес среди немецких пиетистов [Jeuraj 2006: 27].

Н. Л. фон Цинцендорф, глава гернгутеров – духовных последователей пиетистов, отметил возникновение миссии в Индии, оказавшейся для лютеран первой в мире. В представлениях графа она обладала особой ценностью, ее, считал он, надлежало сохранять и подпитывать. Отсюда перед Цинцендорфом, как и перед прочими европейскими христианами, мечтавшими развернуться в Индии, вставала задача найти туда по возможности комфортный доступ.

Можно предположить, что заявленное Цинцендорфом миссионерское стремление в Индию лежало в русле разведывания торговых путей, поддерживавшегося европейскими монархиями. Так, монахи католических орденов, шедшие в XVIII в. на Восток по российской территории, опирались на помощь австрийских Габсбургов [Ряжев 2018: 92–94]. С учетом связей и репутации Цинцендорфа при саксонском,

прусском, датском дворах не исключено, что имели место аналогичные намерения протестантских королей. Во всяком случае, пример датской колонии Транкебар, освоенной пиетистами, а затем гернгутерами, этому отнюдь не противоречит.

Для подготовки миссионерских путешествий были необходимы соответствующие сведения. В этой связи в 1735 г. по заданию Цинцендорфа в Санкт-Петербург для встреч с информантами – европейцами, посещавшими окраины России и наслышанными о тамошних народах, их языках и верованиях, приезжал гернгутер Д. Ничман. Но данные графского порученца оказались скудными: ему удалось собрать лишь слухи, отрывочные известия и немногие личные впечатления собеседников [Teigeler 2006: 122–158].

Осуществление «восточной» проповеди требовало опоры в России. Опора, впрочем, была: с конца 1720-х гг. гернгутеры действовали в российских провинциях и завоевали симпатии части остзейского рыцарства (дворянства) и лютеранского духовенства.

Мотив пропаганды учения на Востоке имел в призывах графа стойкость и вызывал отклик среди слушателей, не исключая и остзейской молодежи, дворянской и городской. Вряд ли она опиралась на сколько-нибудь прочные знания о буддизме или верованиях Индостана. Но зажигательные проповеди Цинцендорфа производили, как признавал Э. Гуцлев (E. Gutslev, в русских документах также Гутслев), лютеранский суперинтендент (superintendent) – церковный управляющий Эзельской провинции (о. Эзель/ Ösel/Oesel, или Саарема/Saaremaa, Эстония), глубокое впечатление на аудиторию [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1743–1744). Л. 27]. Соответственно, ее духовная мобилизованность, проявления миссионерского рвения росли.

С позиции планирования маршрутов сквозь Россию, полагал Цинцендорф, внимания требовали калмыки и монголы: именно с ними предстояло встретиться миссионерам при движении по обеим ветвям российского пути в Индию – и на берегах Каспийского моря, и в Сибири. Уверенность графа на сей счет подкреплялась книгой Ф. И. Страленберга «Историческое и географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии» (Стокгольм, 1730): пользу историко-ландшафтных, этнографических, лингвистических сведений издания, приложенный к нему калмыцко-монгольский словарь лидер гернгутеров отмечал именно в контексте будущих миссионерских маршрутов.

Намерения Цинцендорфа нашли понимание в моравской церкви. В 1741–1742 гг. европейские синоды – территориальные органы гернгутеров приняли решение о начале миссии у калмыков. На них влияли начертания не только графа, но и пиетистов из Галле, в поле зрения которых калмыки попали с 1700-х гг. [Teigeler 2006: 199, 275–282]. В протоколах гернгутских синодов, как и в замыслах пиетистов в целом, калмыцкой миссии придавалось более самостоятельное значение. Она, в отличие от проектов Цинцендорфа, не сопрягалась жестко с индийскими перспективами, хотя им и не противоречила, ибо назначенные к калмыкам миссионеры при необходимости могли проявить себя и в Индии. Так, в 1743 г. в Россию прибыли три гернгутера: К. Ланге из Гессен-Касселя, З. Гиршель из Дрездена и М. Кунд из Кенигсберга. Они желали вести миссионерскую работу среди калмыков и монголов [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1743–1744). Л. 3–4об.]. Попытка не увенчалась успехом, но М. Кунд позже продолжил служение именно в Транкебаре [Teigeler 2006: 199] (хотя в опубликованном списке первых 54 тамошних миссионеров XVIII – первой половины XIX в. его имени нет [Fenger 1863: 312–320]).

Однако в первой половине 40-х гг. XVIII в. положение «моравских братьев» в Прибалтике, на которых рассчитывали и Цинцендорф, и другие европейские деятели движения, пошатнулось. Причиной послужил конфликт между группами немецко-прибалтийского дворянства – сторонниками и противниками гернгутеров,

в котором, склонив на свою сторону российские власти, победу удалось одержать последним. Конфликт разгорался на протяжении более чем 10 лет, но его кульминация, сказавшаяся на отношении властей к моравской церкви и судьбах гернгутеров в России, пришлась на 1743 г., когда против гернгутеров было начато расследование в Лифляндской губернии.

Поводом для следствия, инициированного недругами гернгутеров из числа остзейских дворян, стало появление зарубежных миссионеров. Как было сказано ранее, весной 1743 г. в Юстиц-коллегию Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел обратились трое иностранцев, незадолго до того прибывших в Санкт-Петербург. Они назвали себя в прошении, поданном в коллегию на немецком языке, посланцами «моравских братьев» и, «яко назначенные от евангелического общества к службе Святого Евангелия люди», заявили о намерении далее направиться к «язычникам» Российской империи, «а имянно к мунгалам и калмыкам до границ Китайского государства» [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1743–1744). Л. 1–4об.].

Россия тогда пребывала в состоянии войны со Швецией, посему инициатива иноземцев вызвала беспокойство властей. Ее трактовали как интригу шведской и стоявшей за ней французской дипломатии, направленную на отвлечение российского внимания от Прибалтики в период переговоров о мире в г. Або (Åbo, ныне Турку/Turku, Финляндия). И. А. Черкасов вскоре после приезда миссионеров обращался к А. П. Бестужеву-Рюмину с тем, чтобы тех немедленно допросили в Коллегии иностранных дел. 11 апреля 1743 г. он повторял вице-канцлеру: «я ... Ваше Сиятельство просил о живущих здесь и требующих пашпорта в Хину, Персию и в Калмыки эрн-гутерах, кто они таковы, и в какой силе прошение о тех пашпортах подали ... о том же топерь прошу пожаловать, оное все прислать...» [Письма 2007: № 3].

Проникновение миссионеров в калмыцкие кочевья оказалось бы нехотати и вне русско-шведских коллизий. Отношения новоназначенного наместника Калмыцкого ханства Дондук-Даши и астраханского губернатора В. Н. Татищева были накалены, наместник подозревался в желании увести калмыков из российского подданства [Торопицын 2012: 34–36]. Посему миссионеры, попади они в калмыцкую степь, могли, как представлялось в российском дипломатическом ведомстве, лишь ухудшить обстановку.

16 апреля 1743 г. вышел императорский указ на имя лифляндского вице-губернатора Д. Ф. Еропкина о проведении расследования о гернгутерах [Правительственные меры... 1868: 1391]. Ему поручалось также выяснить вопрос о миссии гернгутеров у калмыков. Поручение носило персональный характер, ибо Д. Ф. Еропкин со времен службы в Низовом корпусе слыл сведущим в восточных делах.

Главную роль в расследовании играла остзейская дворянская комиссия, выводов которой российским учреждениям и следовало дожидаться. Комиссия работала медленно – сказывалась противостояние гернгутеров и лютеран в немецко-прибалтийской среде. Между тем Абосский мирный конгресс не положил конец боевым действиям, война продолжалась, первым лицам государства в данной связи было не до миссионеров, и о них после указа на время забыли. Однако в начале лета 1743 г., в разгар переговоров о мире между Россией и Швецией активисты остзейской комиссии напомнили И. А. Черкасову о далеко шедших (в прямом смысле) миссионерских прожектах гернгутеров.

4 июня кабинет-секретарь отозвался: он вновь обратился к А. П. Бестужеву-Рюмину с просьбой допросить пришельцев в Иностранной коллегии. На допросе надлежало установить: как давно челобитчики пребывали в Санкт-Петербурге, какими документами, удостоверяющими их личности, были обеспечены, где имели местопребывание, «и кто еще их секты и где обретается в гражданах

русских». По-прежнему вызывали тревогу и мотивы намеченной поездки гернгутеров «к мунгалам и калмыкам» [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1743–1744). Л. 5–6; Письма... 2007: № 8]. Однако главы Иностранной коллегии А. П. Бестужев-Рюмин и кабинет-министр тайный советник К. Г. фон Бреверн полагали вопрос о гернгутерах относящимся к ведению Юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел и пытались его за ней и оставить [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1743–1744). Л. 2об., 8–9об.]. Ведомственные разногласия, политико-дипломатические перипетии Абосского мира вкупе с обстановкой вокруг остзейской комиссии привели к затягиванию расследования [Письма... 2007: № 49], и лишь в связи с обвинениями в государственной измене, возведенными лютеранской «партией» на гернгутеров [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1743–1744). Л. 58об.], к зиме 1743 г. оно было завершено.

Цинцендорф, оказавшийся после допросов миссионеров в центре негативного русского интереса, пытался переломить ход расследования, для чего неоднократно обращался к российским властям письменно, а затем и лично – в декабре 1743 г. он приехал в Ригу [Там же. Л. 77–77об.].

Однако отрицательное мнение верховной власти о гернгутерах уже сложилось [Письма... 2007: № 55], и граф изменить его не мог. 23 декабря кабинет-секретарь адресовался к вице-канцлеру: «ныне ... Синцендорф в Риге живет. Не можно ль его сюда взять, и будет ли в том полза, того я не знаю, ибо он имперской граф ... Чтоб не могло последовать впредь каких отзывов от держав протестантских и реформатских ... не лучше ль для убеждения того выслать его за границу...» [Там же: № 56]. В итоге Цинцендорф был выслан, учение гернгутеров в России подверглось запрету [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1743–1744). Л. 98, 104–110], задержанные миссионеры оставались в заключении несколько лет [Teigeler 2006: 199–202].

После подписания Абосского мира и снятия в регионе напряженности следовало уделить внимание и положению на юго-востоке, вошедшему в повестку из-за миссионерских затей гернгутеров. Это сказалось на судьбе вице-губернатора Д. Ф. Еропкина, увязывавшего пресечение гернгутерской миссии с восточной политикой: он получил назначение в Астрахань с передачей ему калмыцких и татарских дел, ранее находившихся в ведении губернатора В. Н. Татищева [Торопицын 2012: 36, 37].

Неудача 1740-х гг. не охладила пыл гернгутеров-проповедников. Они по-прежнему грезили о миссии на русских рубежах: в гимнах гернгутеров среди народов, которым в перспективе адресовалась проповедь учения, упоминались и персы, и «моголы» (монголы) [Hardin 2014: 232]. Европейский интерес к буддизму в России благодаря пиетистам и гернгутерам рос, формировалась потребность в знаниях. Если миссия 1740-х гг. не дала результатов, то с возникновением в 1765 г. колонии гернгутеров Сарепта процесс получил новый импульс, обогатив европейцев устойчивыми представлениями о русских буддистах. В обиход также были введены этнологические и антропологические сведения, характеризующие жизнь народов – носителей буддизма [Дюльденко 2016: 44, 45]. Возможность добраться к монголам через Россию гернгутеры искали и позже [Комиссарук 2012: 213].

Таким образом, идея миссии среди буддистов русского подданства отличалась у гернгутеров устойчивостью. На протяжении XVIII в. она претерпела изменения, превратившись из подчиненной части плана проникновения в Индию в отдельное предприятие и составив в данном качестве один из императивов активности «моравских братьев» на Востоке. На восприятие же российскими властями гернгутеров в первой половине 1740-х гг. повлияла сложная обстановка на окраинах – и в остзейских провинциях, и в калмыцкой степи. В контексте ситуации в обоих регионах известные миссионерские инициативы воспринимались как неуместные или даже инспирированные из-за рубежа с целью нанести

ущерб позициям государства. Лишь переход к политике веротерпимости при Екатерине II позволил государству отказаться от прежней трактовки движения гернгутеров и расширить пределы деятельности их сообщества в России.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира» № 075-15-2019-1879).

Источник и литература

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ): ф. 10, оп. 10/1, д. 1 (1743–1744).

Письма барона Ивана Антоновича Черкасова вице-канцлеру Алексею Петровичу Бестужеву-Рюмину (1743–1747) / вступ. ст., publ. и коммент. К. А. Писаренко // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. Т. XVI. – М.: Студия ТРИТЭ, Российский архив, 2007. – С. 6–90.

Правительственные меры по случаю появления в Лифляндии секты гернгутеров в 1743 году // Русский архив. – 1868. – № 9. – С. 1391–1395.

Дюльденко А. А. Сведения И. Иерига в зарубежной периодической печати конца XVIII в. – первой половины XIX в. / А. А. Дюльденко // Гуманитарные и юридические исследования. – 2016. – № 1. – С. 42–46.

Комиссарук Е. Л. Моравские братья в Ладакхе – бесплодные усилия любви? / Е. Л. Комиссарук // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. – 2012. – № 1. – С. 210–224.

Курышев А. В. Эволюция общинного уклада колонии Сарепта на протяжении XIX века / А. В. Курышев, А. Е. Парфенов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2016. – Т. 21. – № 3. – С. 43–53.

Ряжев А. С. Религиозная политика Петра I на южных рубежах России накануне и в ходе Великой Северной войны / А. С. Ряжев // Новый исторический вестник. – 2018. – № 58. – С. 88–100.

Торопицын И. В. Влияние внешнеполитических факторов на судьбу наместника Калмыцкого ханства Дондука Даши в 1740-х гг. / И. В. Торопицын // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 3(32). – С. 30–40.

Fenger J. F. History of the Tranquebar mission worked out from the original papers by J. Ferd. Fenger, Licentiate of Theology, and Pastor of Liunge and Braaby near Sorö / J. F. Fenger; published in Danish and translated into English from the German of Emil Francke, Dr. Ph. [Compared with the Danish original]. – Tranquebar: Evangelical Lutheran mission press, 1863. – IV, 324 p.

Hardin J. E. Creating Convictional Community: Missional Spirituality in the Moravian Community of Bethlehem, Pennsylvania, 1741–1762 / J. E. Hardin. – Amsterdam: Vrije Universiteit Amsterdam, 2014. – XII, 456 p.

Jeyaraj D. Bartholomaeus Ziegenbalg: The Father of Modern Protestant Mission: an Indian assessment / D. Jeyaraj. – Delhi: Indian Society for the Promotion of Christian Knowledge, 2006. – XIX, 318 p.

Meyer D. Zinzendorf und die Herrnhuter Brüdergemeine, 1700–2000 / D. Meyer. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2000. – 176 s.

Teigeler O. Die Herrnhuter in Russland Ziel, Umfang und Ertrag ihrer Aktivitäten / O. Teigeler. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2006. – 726 s.

References

Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii (AVPRI): f. 10, op. 10/1, d. 1 (1743–1744).

Pis'ma barona Ivana Antonovicha Cherkasova vice-kancleru Alekseju Petrovichu Bestuzhev-Ryuminu (1743–1747) / vstup. st., publ. i komment. K. A. Pisarenko // Rossijskij Arhiv:

Istoriya Otechestva v svydetel'stvah i dokumentah XVIII–XX vv.: al'manah. T. XVI. – M.: Studiya TRITE, Rossijskij arhiv, 2007. – S. 6–90.

Pravitel'stvennye mery po sluchayu poyavleniya v Lifyandii sekty gernguterov v 1743 godu // Russkij arhiv. – 1868. – № 9. – S. 1391–1395.

Dyul'denko A. A. Svedeniya I. Ieriga v zarubezhnoj periodicheskoj pechati konca XVIII v. – pervoj poloviny XIX v. / A. A. Dyul'denko // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. – 2016. – № 1. – S. 42–46.

Komissaruk E. L. Moravskie brat'ya v Ladakkhe – besplodnye usiliya lyubvi? / E. L. Komissaruk // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye issledovaniya Vnutrennej Azii. – 2012. – № 1. – S. 210–224.

Kuryshchev A. V. Evolyuciya obshchinnogo uklada kolonii Sarepta na protyazhenii XIX veka / A. V. Kuryshchev, A. E. Parfenov // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2016. – T. 21. – № 3. – S. 43–53.

Ryazhev A. S. Religioznaya politika Petra I na yuzhnyh rubezhah Rossii nakanune i v hode Velikoj Severnoj vojny / A. S. Ryazhev // Novyj istoricheskij vestnik. – 2018. – № 58. – S. 88–100.

Tropicyn I. V. Vliyanie vneshnepoliticheskikh faktorov na sud'bu namestnika Kalmyckogo hanstva Donduka Dashi v 1740-h gg. / I. V. Tropicyn // Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura. – 2012. – № 3(32). – S. 30–40.

Fenger J. F. History of the Tranquebar mission worked out from the original papers by J. Ferd. Fenger, Licentiate of Theology, and Pastor of Liunge and Braaby near Sorö / J. F. Fenger; published in Danish and translated into English from the German of Emil Francke, Dr. Ph. [Compared with the Danish original]. – Tranquebar: Evangelical Lutheran mission press, 1863. – IV, 324 p.

Hardin J. E. Creating Convictional Community: Missional Spirituality in the Moravian Community of Bethlehem, Pennsylvania, 1741–1762 / J. E. Hardin. – Amsterdam: Vrije Universiteit Amsterdam, 2014. – XII, 456 p.

Jeyaraj D. Bartholomaeus Ziegenbalg: The Father of Modern Protestant Mission: an Indian assessor / D. Jeyaraj. – Delhi: Indian Society for the Promotion of Christian Knowledge, 2006. – XIX, 318 p.

Meyer D. Zinzendorf und die Herrnhuter Brüdergemeine, 1700–2000 / D. Meyer. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2000. – 176 s.

Teigeler O. Die Herrnhuter in Russland Ziel, Umfang und Ertrag ihrer Aktivitäten / O. Teigeler. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2006. – 726 s.